

Субъектно-объектные отношения в процессах структурирования пограничья (на материалах исследования Бессарабии)

554

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Социальные функции границы и пограничья в силу природы самого пространства и особенностей социально-культурной среды вызывают исследовательский интерес, который продиктован с одной стороны желанием выявить устойчивый алгоритм в процессе формирования и жизнедеятельности подобных пространств, с другой – погрешностями различных «центров» в создании адекватной системы управления и контроля.

Тем не менее, само «пограничье» обладает потенциалом субъекта отношений как в системе центр-периферийных отношений, так и в системе социальных транснациональных сетевых структур современного глобализированного мира. Особенно это касается устойчивых пограничных локальных систем с ярко-выраженными характеристиками политической и культурной периферийности.

Функциональные возможности пограничья в исследовательских стратегиях

Анализ взаимодействия между пространством, как объектом, и пространством, как субъектом региональных отношений, опирается на значительный пласт исследовательских концептов и приемов, синтез которых позволяет представить процесс структурирования пограничья как объемный, многовекторный процесс развития региона.

Большинство исследований «пограничья», осуществляемые в контекстах национальных (украинском, белорусском, молдавском, российском, европейском...) или групповых (этнических, культурных, конфессиональных, социальных) пространств, имеют целью формирование *стратегий и политики* в интересах существующих «центров» и групп, которые осознают себя субъектами действия по отношению к локусу, пространству, региону. Такие исследования традиционно сочетают анализ социального пространства с географическим и культурным, где эти пространства являются объектом социально-политического или политико-экономического воздействия, как у К. Хаусховера (Хаусхофер 2001) или Ш. Эйзенштадта (Эйзенштадт 2001). Точкой отсчета в этих случаях выступает собственно «граница», которая рассматривается как «область», «линия», «точка», «район», «зона» перехода между средами и пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами.

Осознание и «признание» границы, обычно происходит одновременно с формированием «образа пространства», пределом которого она выступает. Поэтому «образы» границ и «пограничья» выступают как самостоятельный объект изучения, причем предметом анализа становятся как процесс и закономерности формирования «образов», так и их функционирование в пределах определенных территориальных и ментальных пространств, в определенные эпохи, в рамках локальных групп.

Жан Готтман, французский урбанист, для анализа представлений сообществ самоорганизующихся пространств, использовал понятие «иконография», понимая под ней систему символов, образов, публичных действий – всего, что демонстрирует групповую солидарность и создает «границу локальности» (Gottmann 1952: 512–519).

В науке сложилось целое направление «образной географии», «географии представлений» или «имагинальной географии», которое изучает закономерности формирования и организации географических образов, их структуры и специфики. В работах Дмитрия Замятина, которого считают одним из основоположников этого направления, представлен анализ механизмов репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ и пограничья (Замятин 1998; Замятин 2002).

Большинство исследовательских стратегий исходят из рассмотрения «пограничья», как специфического пространства, которое испытывает воздействие со стороны разных игроков: центральной и региональной властей, населяющих групп, транснациональных систем и др. Так, «социальная инфраструктура», как результат взаимодействия различных локальных культурных групп и их приоритетов, представлена в работах Р. Брубейкера (Брубейкер 2000), О. Бредникова, Е. Чекидзе (Бредников Чекидзе 1998), А. Кросби (Crosby 2002), Э. Лозаннского (Лозаннский 2004) и др. По словам редактора британского журнала «Локальный историк» (The British Association for Local History) Алана Кросби, изучая локальность, приходится учитывать явление «цепной реакции» (chain reaction), когда то, что произошло за тысячу миль, может объяснить частный, интересующий нас случай. Поэтому локальность может рассматриваться только при условии существования национального / глобального. В то же время, по его мнению, локальная история – это не национальная история «разбитая на части», а, напротив, «локальный опыт» – это образующая составляющая национального опыта.

Рассмотрение пространства как уникальной социально и индивидуально маркированной среды, как объекта социальных процессов объясняет наличие «глокальной биографии», которая, по словам социолога и политического философа Ульриха Бека, позволяет «группе» противопоставлять себя глобальному человечеству (Бек 2001). Пространство как «место»/«locus» в котором реализована повседневная практика человека, рассмотрено в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шюца и др.

В контексте конструирования социальных систем в регионе пограничья интересным представляется изучение практик (визуальных, поведенческих, коммуникационных), позволяющих локальным сообществам маркировать места памяти, социальные пространства, формировать локальный хронотоп. Изучение пространства образов, которое дает возможность концептуализировать группу в пределах региона опирается на исследования Дмитрия Замятина (Замятин 2004; Замятин 2006), Анны Соловьевой (Соловьева 2009), Габриэлы Швитека (Швитек 2008) и др. Подобные практики формируют «образ» пространства как рефлексивную систему, которая по определению Германа Люббе является носителем оригинальной идентичности (Люббе 1994). Благодаря локальным историям, по Г. Люббе, системы приобретают свой индивидуальный характер, идентичность.

Значимым пластом в изучении «пограничья» стал его анализ как «символической системы», «toros», самоструктурирующейся структуры, которая способна диктовать условия развития для участников или частей данной системы, то есть выступать не объектом, а субъектом социально-культурных отношений. «Топос» представляется как смыслообразующее пространство, как место разворачивания смысла в системе сложившейся коммуникации. Эта идея представлена в виде концепции «опыта пространства» в процессах формирования личностной и культурной идентичности у Пьера Бурдьё (Бурдьё 1994; Бурдьё 2007). Здесь реальность предопределяется сформированным конформизмом, «чув-

ством социального мира», которое выступает в качестве «символической власти» в виде «социального ресурса», традиционно закрепленного за группой. Место и роль субъекта в этом пространстве предопределяет экономический капитал, который может выступать в разных видах, таких как культурный, социальный и символический капиталы.

Социальная действительность становится результатом конструирования как со стороны агентов, существующих объективно в результате распределения жизненных ресурсов (материальных, символических, информационных и др.), так и со стороны представлений людей о социальных структурах и окружающем мире в целом. Последние предопределяют принцип «двойного структурирования», который реализуется в любом практическом действии между структурами и практиками первичных и инкорпорированных структур. Социальные отношения, реализованные в «практических схемах» региона, обуславливают воспроизводство породивших их объективных структур в моделях социальной адаптации (Коч 2011) и социокультурной презентации (Коч 2013).

Особенно активно процесс «двойного структурирования», взаимоактивная тенденция влияния социальной структуры на поведение субъектов социальных отношений и конструирование социальной структуры со стороны участников региональных социальных отношений, происходит в пограничье.

Пограничье – феномен полисемантический, со сложной структурой многомерного соподчинения. Множественность социально-активных смысловых систем, которые функционируют в пограничном пространстве, предполагают различные формы институционализации для субъектов социокультурных отношений. Формы институционализации могут классифицироваться как пространственные: региональные, национальные, транснациональные; как социально-исторические или как виртуализированные.

Социальное пространство пограничья – конструированная социальная реальность, в которой символы «присутствия» и у власти-«центра» (национально-политические) и у локальных групп – «периферии», формируют иконографию, как в виде самоотжествленных знаков, так и в форме презентации желаемого смыслообразующего образа, который призван демонстрировать социальную дееспособность субъекта в регионе. Эти презентационные образы выполняют функции маркировки, «резервирования» части социального пространства за субъектом отношений. Конструируемые «символические системы» выполняют социальную и политическую функцию легитимации в рамках существующих «иерархий» центр-периферийных отношений модерна, и в границах «сетей» в виде транснациональных систем постмодерна.

Действующая система пограничного пространства имеет в основе устоявшийся алгоритм поведения, который воссоздается участниками – действующими субъектами локального пространства в формах, адаптированных к собственным культурам.

Опираясь на сложившиеся исследовательские подходы, рассмотрим в качестве объекта анализа историческую область юго-восточной Европы – Бессарабию, территорию Причерноморья между реками Дунай, Днестр, Прут – юго-западная часть Украины и восточная часть Молдавии. Предметом исследования стали особенности организации объектно-субъектных отношений между этнокультурными группами пограничья, системой региональной социально-политической организации и сетевыми транснациональными социокультурными системами.

Особенностью региона стало его «систематическое пограничное» состояние: между цивилизациями, хозяйственно-культурными центрами, экономическими зонами, информационными и геополитическими пространствами. Как активная геополитическая зона междуречья низовьев Днестра, Прута и Дуная – Бессарабия вместе с Таврией и Крымом составляют часть «береговой зоны» – зоны жизненных интересов многих государств. Это классический лимитроф – пограничье, район, чья многополярность и маргинальность предопределена географией (Коч Узун 2012).

Исторически это пространство формировалось длительно и на протяжении всего времени, здесь сохранялась характерная неустойчивость политического влияния, отсутствие стабильной культурной основы, анклавное расселения народов, которые в силу исторических условий проживали в регионе.

Естественно сложившаяся многомерность культурной основы и «практики присутствия» обусловили формирование структурной модели и поведенческой схемы (алгоритма) в регионе, которые позволяют ему, несмотря на систематическую разделенность и децентрализацию, сохранять «лицо». Ключевым аспектом такого развития стала структурная предрасположенность к непрерывным изменениям, что позволяло справляться с динамикой политических трансформаций без значительных потрясений.

Регионы пограничья обладают способностью сохранять структурную целостность и даже ситуативно влиять на «выбор» центра.

Уже ранние сведения о регионе современной Бессарабии, содержат характеристику типичную для легко проницаемых и транзитных территорий. Геродот в V в. до н.э. писал в «Истории», что «река Истр начинается в стране кельтов ... и течет, пересекая Европу посредине...» Степь за Дунаем греки в I-м тыс. до н.э., назвали «страной чудес». Эта территория, являясь тем, что на средневековых западноевропейских картах обозначалось как «*Loca Deserta*», «*Loca desolata*» – пустой землей, постепенно превращается в устойчивую «спорную» для приграничных государств территорию; «недоосвоенную», а значит свободную для заселения; национально и культурно «маргинальную» – далекую от центров политического влияния.

На картах XVII в. польского инженера Гийома Бопплана междуречье между Днестром и Прутом обозначено как «пустая», незаселенная территория – пограничье, в пределах которого требовалось строительство оборонительных и межевых сооружений. Видимыми признаками этой рубежной земли остаются сохранившиеся остатки «Змиевых» и «Траяновых» валов. В справочном сборнике 1903 г. отмечается, что валы южной Бессарабии составляют как бы один обширный ридут, заключающий в себе «целый край» (Бессарабия 1903). Многие современные города в регионе начинали свою историю, как оборонительные фортификационные сооружения – крепости: Белгород-Днестровский (Аккерман), Измаил (Смил), Бендеры (Тягин), Килия (Ахиллия), Саврань и др.

Практически все крепости Бессарабии выполняли функции транзитных центров уже в античный период. Развивалась посредническая торговля между античным миром и варварским населением Причерноморья. Большинство транзитных операций в этот период осуществлялось водным путем, так как наличие значительной массы гето-дакийского и кочевого сарматского населения делало сухопутные пути опасными. Во II–III вв. н.э. Рим, периферией которого были земли Бессарабии, активно протекционировал местным купцам – предоставлял

право беспошлинной торговли. Позже через дельту Дуная и о-в Змеиный пролегал значительная часть торгового пути X–XIII веков – «Из варяг в греки». Роль контактных зон выполиняют греческие и генуэзские колонии, позже – турецкие крепости. Они связывают средиземноморье и страны Центральной и Западной Европы. В XVII в. сложился торговый путь через Крит – Константинополь – Килию – Сучаву – Каменец – Львов. Килия, Измаил, Аккерман превращаются в транзитные торговые пункты с соответствующей этно-социальной структурой населения.

Современное развитие региона всеми субъектами региональной политики, представляется как потенциально перспективное. Существует значительное количество проектов, цель которых – использование транзитного ресурса и интеграция региона в одну из глобальных региональных систем. Через Бессарабию проходят четыре Международных транспортных коридора. Два из них: «Из варяг в греки» – № 9 и возрожденный «Шелковый Путь» – ТРАСЕКА были официально признаны международными организациями – естественными транзитными мостами. Значительный транзитный потенциал региона сосредоточен в треугольнике Рени (Украина) – Галац (Румыния) – Джурджулешты (Молдова). При этом каждое государство владеет своим «ключом» к региону: Украина контролирует порт, Румыния – канал Дунай – Черное море, Молдова – железнодорожные подъезды.

Перспективным представлялось сотрудничество в рамках Еврорегиона «Нижний Дунай». Этот проект задействовал весь историко-культурный регион Бессарабии, так как был направлен на регулирование трансграничного сотрудничества между Украиной, Румынией и Молдовой. Как юридическое лицо – Ассоциация трансграничного сотрудничества Еврорегион «Нижний Дунай» получал возможность привлекать к финансированию стратегических инфраструктурных проектов средства Европейского Союза. Эти и другие перспективы не избавили Бессарабию от состояния экономической депрессии, в которой она оказалась в последние десятилетия. Этот факт в сочетании с геополитической сейсмичностью традиционно подчеркивает политическую нестабильность и периферийность региона относительно всех возможных экономических инвестиций.

Социально-экономический кризис трансформирует пространство Бессарабии в «остров», лишая ее достоинств транзитной системы и возможностей геополитического «коридора». Так «островной» статус украинской части Бессарабии сегодня обретает реальность. Бессарабия зависима во всех жизненных ресурсах: газ, питьевая вода, электричество, дороги. Регион соединен с «материком» двумя трассами, одна из них, ведущая через села Маяки и Паланка, имеет участок в 6,5 км, проходящий по территории Молдовы, что делает проезд по ней условно свободным; другая – автомобильно-железная дорога Каролино-Бугаз – Затока, проходящая через мост над устьем Днестра – стратегически уязвима.

Современные бессарабские политические элиты, традиционно стремятся преподнести Бессарабию в качестве «связующего звена» между двумя геополитическими пространствами. Так, украинский политик Иван Плачков заявляет: «Придунайская Бессарабия в силу своего географического положения, без сомнения, является «солнечным сплетением» геополитической и геоэкономической оси Евросоюз – Украина – Россия» (Плачков 2012). Такой подход традиционен.

Рассматривая данное пространство как геополитический ресурс, власти приграничных государств не только лояльно относились к процессу стихийной колонизации региона, но активно участвовали в конструировании этого про-

странства. Об этом свидетельствуют проекты развития этой территории в политике соседних государств. Особое место среди подобных идей занимали проект создания «Новой Византии» эпохи фанариотов на землях Валахии, Молдавии и Бессарабии, который был поддержан «Греческим проектом» Екатерины II, суть которого сводилась к созданию греческой империи под скипетром русской короны (Маркова 1958). Проект земледельческой колонизации Сибири и Бессарабии, предложенный А.О. Корниловичем (Оганян 1985: 67), проект «Великой Румынии», зародившийся на гребне антитурецких и антифанариотских настроений, и первоначально имевший цель – достижение национальной независимости. В начале XX в. объединение всех «румынских исторических провинций» в составе унитарного румынского государства становится задачей в ходе Первой мировой войны (Узун 2013: 51). Современный его вариант предполагает воссоздание Великой Румынии в границах до 1940 г. (Мультимедийное информационное агентство OMEGA 25 января 2014 г). Проект «Великая Молдова», как антирумынский, ориентирован на восстановление границ средневекового Молдавского княжества (Фундамент 2008). Проект «тюркского пояса стабильности от Якутии до Македонии» (Тюркский 2007) включает территорию Бессарабии и опирается не только на этнически-родственных гагаузов, но и на исторический проект «Ханской Украины» (Ханьска 2016; Сапожников 2003).

«Бессарабский вопрос» всегда возникал как элемент в решении «Балканской проблемы» (Бессарабия 1996). По большому счету, сама Бессарабия часто рассматривается как часть балканского мира, которому свойственна глубокая периферийность и проблемная идентичность (Карастоянов 2002). Современная актуализация происходит через создание общественных организаций и партий: «Наша Бессарабия» (Украина), «Гражданская платформа «Actiunea-2012» (Румыния), «Патриоты Молдовы» (Молдова).

Геокультура данной территории определяет перспективы ее социального и политического развития ее в условиях современных процессов интеграции/дезинтеграции. Бессарабия, как узел пересечений интересов соседних держав, остается значимым геополитическим ресурсом для Румынии, России и Турции. Каждая из стран в качестве объекта своего влияния и присутствия использует население региона. И если турецкое присутствие в регионе реализуется через систематическую помощь этнически родственным гагаузам и гагаузской автономии в Молдове (Народное собрание Гагаузии 21 сентября 2013), то Россия и Румыния рассматривают в качестве объекта интереса весь регион.

Если геополитические условия порождают и организуют региональные практики, то схемы восприятия центр-периферийных отношений преобразуют внешние условия в «модели действия», осуществляемые на уровне повседневных групповых и индивидуальных практик.

Остановимся на процессе превращения региона в историческую и политическую реальность – объект отношений.

Образ пространства, зафиксированный в исторической практике, реализуемый в политике, транслируемый в памяти социально-культурных групп и поколений – способен как ограничивать и подавлять, так и создавать возможности для осуществления специальных адапционных практик. Этот образ становится символическим ресурсом, который может быть использован для легитимации политики, мобилизации социальной активности населения, формирования имиджа соседа/противника.

Понятно, что объективирование пространства региона происходит благодаря ряду условий: исторических, политико-правовых, социально-культурных, а

закрепление предполагает практику политической и правовой фиксации («политоним») в сочетании с формированием устойчивой системы региональной идентичности среди населения региона.

Активность и дееспособность региональной системы в значительной степени обусловлена ее политической субъектностью на протяжении длительного исторического периода. Так, начиная с XVII в. названия Бессарабия, Буджак встречаются в международных договорах и документах, картах Молдавии, Валахии, Польши, Османской империи, Крымского ханства Венеции, России и др. (Муштафа 1986; Jorga 1899: 220; Сосса 2007: 76–77); используются в административном делении Османской и Российской империй, упоминаются в исторических описаниях, демонстрируя значительный уровень фактической автономности и региональной дееспособности (Шевалье 1993; Челеби 1961).

Удаленность от центров политической власти обусловила в XV–XVII вв. значительную привлекательность региона для беглецов от социального давления и абсолютизма как с запада – из Дунайских княжеств, так и с северо-востока – из России и Польши (Джерела 2013; Паламарчук 2005). Однако, уже в конце XVIII в. Бессарабия фактически была разделена на молдавскую, турецкую и ногайскую зоны управления. Уезды Кишиневский, Оргеевский, Блещкий и Сорокский составляли Запрутскую Молдавию. Хотинский уезд – райи, с крепостями Хогином, Бендерами, Аккерманом, Килией, Измаилом и их предместьями зависели от Турции. Бендерский и Аккерманский уезды, под названием «Буджак», принадлежали татарам.

Тем не менее, именно в этот период начинает складываться *сегментарная этносоциальная структура*, ставшая типичной для этого региона в последующие исторические периоды. Во время Османской империи складывается социальная структура региона с выраженными «горизонтальными» этническими системами. Формируется принцип «*этносоциального сегментирования*», согласно которому границы этнических и конфессиональных групп значительно совпадают с социальными.

В период Русско-Турецких войн с 1711 по 1812 гг. Бессарабия пять (!) раз меняет политическую принадлежность. Это вело к деструктуризации этноконфессионального состава населения и всей социально-культурной среды. Вслед за выселением ногайцев, началось освоение территории молдаванами, потомками казаков, болгарами, сербами, албанцами, греками, армянами, немцами и др. Благодаря «особому» статусу региона в так называемый «период иллюзий», оформился каркас ментального образа, который впоследствии привел к формированию устойчивого имиджа региона.

После 1812 г. в крае пропагандируется идея широкой автономии. Указом Александра I от 23 июля 1812 г. было объявлено, что «*жителям Бессарабской области предоставляются их законы*», право широкого самоуправления в рамках российских законов, а также устанавливалась структура власти на этой территории. С 1813 по 1816 гг. действуют «*Правила временного правления Бессарабией*», автором которых стал глава администрации Бессарабии – Иоанн Каподистрия, будущий министр иностранных дел России и первый президент независимой Греции. Каподистрия подчеркивал: «*Речь идет о том, чтобы на деле показать, что при сохранении за краем его отличительного и национального характера, можно добиться того, чтобы сделать его полезным для Империи в отношении финансов, населения, торговли и политики*» (И.А. Каподистрия – А.Н. Бахметьеву 04.06.1816 1957). До 1825 г. правовая обособленность региона поддерживается законами, которые сохранились с эпохи фанариотского правле-

ния. Судьи пользовались Шестикнижнем Гарменопула, в качестве субсидиарного права действовали Базилики и Новели Юстиниана и Льва Мудрого (Местные законы 1904). По Указу Сената переведенные *«Руководство Гарменопула»*, *«Соборная грамота князя Маврокордато»* и *«Краткое Собрание Законов Андроники Дониа»* применялись в судопроизводстве до конца XIX в. (Тесля 2005). Имперская система нуждалась в поддержке региональной элиты и в ситуации острой нехватки кадров признавала местные правовые традиции, ссылаясь на уважение обычаев и нравов народов империи. Помимо привлечения к сотрудничеству аристократии, целью административного эксперимента являлась победа в борьбе за лояльность политических элит Молдавии и Валахии, находившихся под контролем Порты и Габсбургской империи. Командующий Дунайской армией Павел Чичагов, определяя политические задачи, писал: *«Здесь ничего не следует делать, ничего устраивать, чего не требуют местные нужды, и что не согласно с местными средствами... надобно... искусным образом обратить на область сию внимание пограничных народов»* (Чичагов П.В. – Александру I 6-го августа 1812 1871: 28–29.).

Последующие процессы заселения этой территории проходили через процесс колонизации (хозяйственное «присвоение» пространства), через насаждение земледелия, посредством привлечения иностранцев, в *«пограничные города»* – о чем говорится в императорском Манифесте от 22 июля 1763 г. (Манифест от 22 июля 1763 г. 1830: 313–316). То есть стратегия освоения новых территорий изначально предполагала учет их специфики и ситуации.

Социальная инфраструктура нового региона формировалась исходя из особенностей нового пространства. Так, управление в регионе строилось через *«Канцелярию опекуства иностранных поселенцев»*, которая функционально приравнивалась к государственным коллегиям. Непосредственно новопоселенцами занималась Бессарабская контора, образованная в 1816 г. в составе Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южного края России. *«Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев»* (1795) утвердило привилегии переселенцам в Одессе.

Устройство замкнутой административной системы в Бессарабской области было продиктовано как протекционистской политикой государства, так и планами относительно расширения геополитического влияния на Балканский регион. Законодательное закрепление эта политика получила в *Уставе образования Бессарабской Области* от 29 апреля 1818 г. (Устав 1830), *Указе Правительствующего Сената* от 29 декабря 1819 г. и *Уставе о колониях иностранцев в Империи* 1832, 1842 и 1857 гг. (Устав 1857). В отношении региона утвердилась, по словам В. Таки, *«логика «наместничества»*, подразумевавшая апелляцию к самоценной «памяти» региона (Таки 2004). Особый интерес с точки зрения исторической памяти представляет положение *Устава о правах и преимуществах жителей*, которые в значительной степени консервировали историческую социальную структуру региона, к тому времени претерпевшего серьезные изменения в этнодемографическом отношении. Местное дворянство получало все права и преимущества российского дворянства, сохранив древние молдавские привилегии. Сохранялся ряд особых промежуточных социальных категорий между дворянством и крестьянством («бояринаши», «мазылы», «рупташи»). Вступление в силу *«Устава»* положило начало десятилетнему периоду функционирования автономной администрации области.

Создание широкой автономии в Бессарабии одним из русских вице-губернаторов области в 1823 г. объяснялось так: *«...Бессарабская область, не только в*

сходстве с остзейскими провинциями и губерниями обратно от Польши к России присоединенными, состоит на особых правах, но, подобно Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, имеет какое-то особое политическое существование. Она лежит между трех империй и от Австрии и Турции, равно как и от России отделяется карантинными и таможенными линиями; но что более отличает ее от других наших владений, она имеет собственное свое высшее судилище. Сие судилище украшено великолепным титлом Верховного совета; оно должно состоять из мужей опытнейших сего края» (Нольде 1911: 442).

Несмотря на последующие процессы унификации и потерю статуса особого административного региона в 1828 г., Бессарабская область все же осталась причисленной к льготным губерниям России, чем и продолжало пользоваться местное пчеловодство.

Создание для отдельных частей государства «особых высших учреждений», по словам немецкого политолога XIX в. Георга Еллинек, создает «провинциальную систему управления... при помощи самих заинтересованных лиц» (Еллинек 1906: 38). В 30–40-е гг. XIX в. административный аппарат в органах управления «задунайскими переселенцами» состоял как из сословий Российской империи (военных, дворян, мещан), так и из среды переселенцев (на уровне сельских и окружных приказов). Такое широкое внутреннее самоуправление в рамках территориального образования традиционно понимается как «локальная автономия», о чем замечает в своей книге о немцах Бессарабии Уте Шмидт, профессор Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина (Schmidt 2008).

Кроме того, значительная доля управления передавалась непосредственно самим группам, которые получали не только экономические льготы и социальные преференции, но и право на собственную социально-правовую регламентацию в рамках этноконфессиональных границ. Таким образом, культурные отличия не только поддерживались социально-экономическими механизмами, но и становились их заложниками в процессе организации социального порядка и социальной инфраструктуры. Образ осваиваемого пространства как фрагментированной системы автаркийных сообществ, складывался как рефлексия на повседневную практику. Границы пространства региона определялись границами действия особых условий для проживающих групп. В этой связи интересным является наблюдение английского путешественника Д.М. Уоллеса, который в начале 70-х гг. XIX ст. отмечал, говоря о немецких колонистах в России: «и хотя их родители и даже деды родились в этой стране, они воспринимают как обиду, если их называют россиянами» (Оболенская 2003).

Важно отметить, что успех социально-экономической адаптации этнических общин был обусловлен сформированным групповым конформизмом переселенцев, оказавшихся в новом социальном пространстве, формирование которого происходило при их участии. Ощущение «социального мира» в таких условиях могло существовать только на базе социального ресурса, которым группа обладала в момент переселения.

Принцип групповой адаптации предполагал выбор и закрепление за группой хозяйственной ниши, сохранение традиционного сектора и формы хозяйствования. Каждая из этнических групп, формируя свое жизненное пространство, адаптировалась к новым природно-географическим и социально-хозяйственным условиям: греки, армяне, евреи доминировали в торговле и ремесле; болгары и немцы – в земледелии, русские – в рыболовстве; гагаузы и молдаване – в животноводстве, и т.д. Хозяйственная специализация в перспективных отра-

связь экономики обеспечивала успех на внутреннем и внешнем рынках, гарантировала закрепление за группой «права на присутствие / проживание», то есть коллективное право на жизненное пространство, что ярко отражено в топонимике региона и иконографии. Менее чем за двести лет сформировалось групповое этно-региональное сознание: в идентичности жителей помимо этнического компонента закрепился региональный. Это привело к появлению таких форм самосознания как «бессарабец», «бессарабский болгарин», «бессарабский немец», «бессарабский грек», «молдавский раскольник» и др. Следует отметить устойчивость такой идентичности у групп даже после высылки из региона. Так, немцы, переселенные по соглашению между СССР и Германией в 1940 г. из Бессарабии, организовали в г. Меглингене под Штутгартом, общество бессарабских немцев, при котором организован музей, издается газета. Это общество считается самым активным и организованным среди современных немецких землячеств (Немцы Бессарабии. Официальный сайт общины).

Сформировавшиеся в Бессарабии этнокультурные сообщества включили в структуру своей идентичности данную территорию, в пределах которой были изначально созданы условия для самостоятельного существования большинства из них.

Политика государства в отношении новопоселенцев менялась исходя из внешнеполитических и внутренних задач. Так, например, после окончания наполеоновских войн в Европе, Александр I, стремясь улучшить отношения с Османской империей, пошел на урегулирование спорных проблем, что привело к ограничению социальных и правовых льгот для некоторых категорий иностранцев. Особенно это касалось тех, кто занимался заграничной торговлей и стремился сохранить преимущества двойного подданства (греки, евреи, армяне). Теперь империя «покровительствовала» только своим подданным.

На протяжении следующих 100 лет Бессарабия семь (!) раз меняла место «прописки»: в результате Крымской войны в 1856 г. Россия потеряла часть Бессарабии, и вернула ее только в 1878 г. по Берлинскому трактату. В 1862 г. было создано Румынское княжество на месте Молдавского и Валашского. В марте 1918 г. Бессарабия вошла в состав Великой Румынии на правах автономии, а в годы Второй мировой войны была включена в состав СССР, оккупирована странами Оси в июле 1940 г. и присоединена к Румынии, в августе 1944 г. вновь вошла в состав СССР и в 1991 г. в результате провозглашения независимости Украины вошла в состав ее территории.

Институциональная нестабильность в таких условиях была закономерным результатом, что вело к укреплению внутренних, негосударственных социальных структур и схем саморегулирования. Примечательно, что каждый политический центр, по сути «признавал» обособленность данной территории, или, по крайней мере, «особые условия», связанные с необходимостью освоения и включения ее в состав государства. В Рапорте Исполняющего Должность Бессарабского Гражданского Губернатора г. Кишинева от 6 июня 1863 г. № 5284 на имя Его Императорского Величества г. Министра внутренних дел, № 5283, говорится: «... Бессарабия пограничная область, находящаяся в исключительном положении по случаю соседства с единоплеменной (по крайней мере, для половины жителей) Молдавией ... Дворянство Бессарабии не имеет исторических преданий своего сословия; оно образовалось уже после 1812 г., и состоит частью из детей и потомков тех греков, которые, в правление князей фанариотов, были главными двигателями политической жизни Молдавии, а частью из позднейших греческих пришельцев, приобретших в Бессарабии значительные

имущества; представителей коренного румынского племени очень немного, да и те вышли в недавнее время из среды простого народа; из прежних боярских фамилий остается только несколько семей; но они уклоняются от общественных дел; остальные за тем дворяне-русские и отчасти поляки. При таком разнообразии элементов, составляющих здешнее дворянство, в среде его нет единодушия, оно дробится на партии» (Документы 2000: 123). Эта характеристика правящей элиты вполне соответствует и современному положению дел.

Этнокультурная история Бессарабии имеет множество примеров того, что полиэтничность, как внутренний ресурс имеет значительный потенциал политической активности как в прошлом, так и в настоящем. В 1917 здесь была провозглашена Молдавская Демократическая Республика. В 1924 году в Татарбунарах коммунисты-партизаны объявили создание Молдавской Советской Республики, а в 1990 году, когда Молдавия была провозглашена суверенной республикой, сразу были сформированы Приднестровская Молдавская Республика, Гагаузия и Тараклийский автономный район.

Сегодня также можно наблюдать синхронные, однако, противоположные по своему смыслу социальные процессы, сопровождающие разрушение старых и создание новых государственных границ в регионе. Неустойчиво-провокационный статус Бессарабии сохраняется, о чем свидетельствуют заявления официальных лиц и СМИ. Румыния в лице экс-президента Траяна Бэеску выступает за возврат «оккупированных румынских областей» – Бессарабии и Буковины. Данная риторика усилилась в связи с событиями 2013–2015 годов в Украине. На сайте еженедельника Adevarul прозвучало заявление, что «деятельность евромайдана и факт, что он до сих пор не уничтожен вооруженными силами Украины, – достаточное основание для вооруженного вторжения» (Adevarul 27 января 2014). Геополитическая неопределенность усиливается в связи с активной политикой Гагаузии, которая видит в Румынии угрозу своей автономии и национальной идентичности. По молдавскому законодательству, в случае исчезновения Молдовы как отдельного государства, Гагаузия становится независимой, о чем свидетельствовал проведенный 2 февраля 2014 года референдум – консультативный об отношении к внешнеполитическому курсу Молдавии и законодательный об отложенном статусе независимости Гагаузии (Референдум в Гагаузии: итоги 04.02.2014). В этом случае ее вектор интеграции совпадает с желанием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (Указ Президента ПМР № 558 от 26 ноября 2013). Выборы президента Молдавии в 2016 году проходили под риторику выбора будущего вектора интеграции республики и перспектив реформирования государственного устройства. «Объединение берегов Днестра – одна из моих главных задач на посту президента» – заявил И. Додон в инаугурационной речи (Додон И. 2016).

Такие условия развития региона объясняют формирование и поддержание устойчивой системы локальных идентичностей, которые в силу своей «трансформности» могут обеспечивать социальный порядок и сохранять дееспособность в условиях политической неопределенности.

Локальная идентичность удобна в социально-политической практике, так как позволяет группам приспосабливаться к различным геополитическим трансформациям, не прибегая к значительным изменениям своей идентичности, сохраняя неизменными, основные элементы социокультурной системы. В то же время, необходимость объединять несколько культурных и национальных ориентиров, сохранять способность и возможность активизировать определенные векторы культуры в зависимости от потребности, быстро и благодаря незначи-

тельным внешним моделированием сохранять положительную идентичность, внутреннюю комплиментарность в регионе, обусловила формирование множественной иерархической идентичности в рамках исторических этнических общин (греко-болгары, болгаро-гагаузы; греко-гагаузы; албанцы-болгары-гагаузы; молдаво-румыны).

Причина формирования подобного феномена объясняется несколькими моментами: общей историей переселения и близкой культурой; в момент переселения этническая идентичность уступала конфессиональной, поэтому переселенцев записывали как единоверцев, отодвигая этническую принадлежность на второй план. Например, респонденты, которые определялись как члены только «греческой» или только «болгарской» группы, в другом варианте – только «болгарской» или только «гагаузской» группы, в третьем – только «молдавской» и только «румынской», не могли четко указать отличия между этими группами.

В результате анализа процесса конструирования региональной системы, как условия пограничного статуса и практик, следует выделить не только локальные культурные анклавы – отдельные этно-социальные группы, но и акцентировать внимание на способах их взаимного интегрирования, способности сосуществовать в значимых ментальных пространствах, в инкорпорированных структурах, которые определяют схемы практического действия.

Коммуникационная среда как фактор программирования социальных отношений

Неоднозначность социально-культурной идентичности в Бессарабии объясняется в том числе и периферийным положением в системе коммуникационных пространств исследуемых локальных групп. Многовековое сохранение ряда национальных и локальных культур, границы которых никогда не соприкасались в полном объеме. Для каждой культуры характерен особый *топос*, в пределах которого функционируют и интерпретируются смыслы.

Формирование социального пространства пограничья выражается в виде появления самотождественных знаков, системы иконографических образов, поведенческих стереотипов, которые демонстрируют наличие системы общепризнанных норм (запретов и предписаний), закрепляют новый социальный порядок, приемлемый для всех участников процесса коммуникации, включая органы власти. Важным элементом этого процесса является формирование образов «свои» и «чужие». Выстраиваемая коммуникационная система призвана регламентировать поведение субъектов социальных отношений и программировать развитие социальной структуры со стороны участников отношений.

Коммуникационные социально-культурные системы в регионе можно выделять по различным критериям: этническому и языковому пространству, конфессиональной принадлежности, хозяйственной специализации, геополитической ориентации.

Туркский пласт культуры региона представлен исторической географией и крупными топонимическими объектами, историей ногайского присутствия, османским влиянием и осколком этого этнического пространства – гагаузами, этносом, чей этногенез непосредственно связан с этой территорией.

Значимыми коммуникационными системами в регионе являются: *Балканская культура* или культура *Задунайских колонистов*, которые представлены группой народов, переселившихся с Балканского полуострова и демонстрирующих систему общих признаков, которые сформировались под влиянием культу-

ры и социальных процессов Османской империи. Речь идет об албанцах, греках, болгарях, гагаузах.

Отдельно следует выделить ареал *греческой культуры*, который включает несколько исторических и социокультурных пластов, включая периоды греческих городов-колоний античности, византийской цивилизации, греков фанариотов и греков колонистов. Важно отметить, что сам процесс переселения обусловил бытование расширенной трактовки этнонима «грек», как обозначающего человека «греческой веры», что объясняло взаимопересечение и временами замещение понятий «грек» и «христианин», «балканский переселенец». В последствии, этот факт объясняет доступность перехода с «греческой» самоидентификации на любую другую христианскую, в процессе вынужденной реидентификации и депортации в середине XX в.

Романская культура представлена культурным наследием Римской империи в архитектуре, топонимике, языке. Наследниками этого культурного пласта выступают два народа: молдаване и румыны. Они воспринимаются как «коренное» население, единоверческое с переселенцами, но в отличие от последних, не обладавшее статусом колонистов, а значит не имевшее экономических и политических льгот и привилегий.

Славянская культура в регионе представлена группами украинцев, болгар, русских никониан и русских старообрядцев. Эта группа в социальном плане не была однородна, так как болгарское и частично старообрядческое население имело льготные статусы колонистов, а украинцы, русские никониане относились к разряду государственных крестьян. Их переселение в регион не регулировалось и носило преимущественно стихийный характер.

В отдельную коммуникационную систему следует выделить *переселенцев-колонистов из Западной и Центральной Европы*: немцев, швейцарцев, французов. С их появлением в регионе связывают применение технологичных форм земледелия, начало активного машиностроения, переход к интенсивным формам землепользования.

Критерием, который во многом предопределил процесс формирования этнической карты региона, выступила религия. Большинство переселенцев рассматривали Бессарабию, как территорию, где проживают «единоверцы» – христиане, что предопределяло их выбор в условиях давления ислама. Поэтому прибывавшие с территорией Османской империи албанцы, болгары, гагаузы и греки воспринимались как «свои», быстро вливаясь в единый массив христианского населения, наравне с русскими, украинцами, молдаванами и румынами.

Религиозная традиция легла в основу использования экзонима «хохол» в регионе. С подачи местных старообрядческих общин здесь «хохлами» называют все православное никонианское население. В отношении термина нет уничижительной коннотации, поэтому он достаточно широко на бытовом уровне используется в качестве этнонима.

Общая институциональная среда и «заданность» социального движения в пределах империй сформировала такую социально-сословную категорию, как *колонисты*. Этот статус объединил в одно социальное пространство албанцев, гагаузов, греков, русских-староверов, болгар, немцев, швейцарцев. Эта группа не обладает общей этнокультурной основой, но ее развитие имеет строгий алгоритм, который проявляется в динамике политико-правового статуса и социально-экономических возможностях группы на протяжении двух столетий.

Исходя из многоукладности регионального развития в Бессарабии, как коммуникационное пространство, следует выделить этнохозяйственные ниши, кото-

рые формируют сложную систему и механизм распределения жизненных ресурсов (материальных, социальных, символических, информационных). Так, к сельскому населению, основой хозяйствования которого выступает земледелие, животноводство и огородничество, обычно относятся: молдаван, гагаузов, татар, болгар, албанцев, русских, украинцев. Городской среде свойственен преимущественно космополитический, этнически и конфессионально разнородный состав. Тем не менее, преимущественно городскими жителями, которые обеспечивали торговую инфраструктуру городов, были: евреи, армяне, греки, итальянцы и, конечно, народы, чьи политические центры выступали претендентами на данное пространство: русские, украинцы, турки, румыны.

Взаимопересечение коммуникационных пространств было усиленно практиками языковой ассимиляции, которые применялись в разные исторические периоды со стороны действовавших политических центров. В качестве региональных языков с закрепленным публичным статусом в регионе были представлены: *греческий, турецкий, русский, румынский, украинский*. Доступными для регионального межкультурного общения сегодня используются последние три. Причем каждый из них представлен как язык межкультурного общения в разных поколенных группах.

Функциональные полиглотные ситуации для региона – норма, так как позволяют легко манипулировать социально-коммуникационными пространствами при помощи языка. С конца XIX в. в регионе становится заметен массовый билингвизм, который был обусловлен спецификой политической и социально-культурной истории. Диглотные ситуации были различны по происхождению: от рождения (владение языками обоих родителей); территориальное двуязычие (как результат интерференции языков в следствии смешанного расселения носителей языков); социальная обусловленность двуязычия (вынужденное овладение двумя языками или прагматически-обусловленные знания, которые получены в результате обучения) и др. (Коч 2008)

Манипулирование языковыми пространствами является прерогативой не только отдельных индивидов в практике общений, но и результативным способом проводить политико-культурные границы. Если раньше при помощи языка и образования реализовывались ассимиляционные практики, то сегодня в этот процесс вовлечены системы письма. Так в последние годы на латиницу были переведены молдавское и гагаузское письмо, при этом манифестационным актом стало сохранение кириллицы для молдавского языка в Приднестровье.

В условиях системного геополитического кризиса второго десятилетия XXI века, наблюдается использование языковой компетентности в регионе в качестве признака политической лояльности, что делает языковую ситуацию еще более сложной. Так коммуникационная структура приобретает несимметричный характер: 1) разные группы (этнические, национальные, социальные) пользуются разными коммуникационными каналами, которые ориентированы на различные векторы интеграционных процессов; 2) фрагментация коммуникационной системы усиливается в связи с отсутствием «коммуникационных медиаторов», которые должны обеспечивать связь между системами

Важно, что каждое коммуникационное пространство предполагает наличие своего «центра» и «периферии», порождает сетевые структуры (от землячества до транснациональных систем), которые основаны на специфических связях (каналах информации и семиотических системах), объединяющих участников. Важнейшая задача таких иконографических знаков (Ж. Готман) и симулякров (Ж. Бодийяр) в демонстрации групповой солидарности и присутствия в социальном пространстве региона.

Тем не менее, культурный ландшафт Бессарабии – это общий мир, который каждый болгарин, молдаванин, русский, румын, украинец или албанец считает «своим» вне зависимости от политических границ.

Социальные стратегии групп пограничья всегда направлены на поддержку позитивной идентичности, которая выступает убедительным аргументом в пользу дальнейшей консолидации и поддержания социально-культурной границы. Мифологизация «пережитого», формирование локально-группового и регионального хронотопа позволяют не только «концептуализировать» группу в пространстве региона, но и создавать механизмы, способные аргументировать ее социальную дееспособность. Так конструирование «мифологем» на темы переселения, вклада в процесс освоения региона, культурного и социального меценатства дают возможность интерпретировать региональную историю в пользу группы. Распространенной практикой в регионе сегодня стала организация юбилейных Храмовых праздников в честь основания села. Стало традицией издание к таким юбилеям популярных монографий, в которых описаны не только история основания, но и особенности культурно-бытового комплекса групп (Кубей и кубейци: бит и култура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградский район, Одесса област 2002; Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области 2003; Карячка–Мирное: очерки истории прошлого и традиций 2007; Нариси з історії села Красносілка (Гільдендорф) на Одещині. 200-річчя села присвячується 2007; Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии 2003).

Саморефлексия этнических общин во многом порождает активность научной среды по изучению и популяризации истории отдельных народов. Так, характерна целая серия научных регулярных форумов и изданий, которые посвящены этнической истории народов Одессы и области: проводятся регулярные международные конференции «Одесса и еврейская цивилизация», «Греки Северного Причерноморья», «Болгары Северного Причерноморья»; издаются научные монографии посвященные отдельным этнокультурным группам региона: русским старообрядцам (Пригарин 2010), болгарам (Киссе 2006), гагаузам (Шабашов 2002), немцам (Schmidt 2008), и др.

Повседневная культура предполагает принадлежность ее носителей к узнаваемым, «традиционным» группам, что обуславливает сознательную демонстрацию причастности к этнокультурным или конфессиональным сообществам, каждое из которых «удерживает» часть социального пространства, в пределах которого и функционирует.

Такие социально-культурные «узнаваемые» пространства в регионе «закрепили» за собой: немецкая, греческая, еврейская, болгарская общины и др. Это целая система этнокультурных и сакральных объектов, которые сегодня позволяют не только сохранять социальные практики отдельных групп, развивать этнографический туризм (например: действуют маршруты, которые знакомят с культурой старообрядчества, этнографическими объектами в молдавских, болгарских и бывших немецких селах), но и выступать как группы, которые способны артикулировать социально-политические запросы (например: требования реализации языкового закона 2013 г.; реализация инфраструктурных проектов при участии государств-метрополий). Этнические группы ориентированы на закрепление в ландшафте городов и сел «мест памяти», мемориальных комплексов, которые в исторической перспективе позволят формировать стабильную историческую платформу для своего устойчивого развития. Знаковость места определяется на групповом или индивидуальном уровне исходя из способности

воспринимать семиотические (смысловые) значения и воспроизводить их с целью поддержания своей идентичности.

Таким образом, мемориализация, как способ укоренения в пространстве, выступает механизмом поддержания статуса группы, а использование *самостождественных знаков в ландшафте* позволяет закрепить «факт присутствия», упростить трансляцию желаемого смыслообразующего образа.

Важно, что в условиях маргинальной социально-политической среды региона этническая культура выступает значимым элементом конструирования социального пространства. Символы не только фиксируют социальную реальность, но и выступают как инструменты «социальной интеграции» (источники познания, обучения и общения), они делают возможным консенсус в социальных отношениях при условии их одинаковой интерпретации. Производство и продвижение «своих» образов социальной реальности, в качестве активных и дееспособных, выступает со стороны этнокультурных групп как деятельность социально-политического характера, деятельность полноценных субъектов в региональном пространстве. Например, за последние пять лет появилось больше десятка новых мемориальных объектов, которые посвящены истории болгар Украины. Среди них: в 2008 г. открыт музей Х. Ботева (с. Задунаевка); в 2009 г. – памятник Х. Ботеву (г. Одесса); в 2011 г. – памятник П. Воеводе, участнику Освободительной войны 1877–1878 гг. (г. Киев); в 2012 г. – памятник болгарским ополченцам, погибшим в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (г. Болград); в 2015 г. – памятный знак первым болгарским переселенцам (с. Ольшанка). Важно, что организация новых мемориальных объектов сопровождается участием со стороны политических центров, заинтересованных в группе. Так, на открытие памятника «болгарским ополченцам» приехали чрезвычайный и полномочный посол Болгарии в Украине К. Минчев, депутат Народного собрания Болгарии М. Михайлов, директор Агентства для болгар за границей Р. Иванов, представители дипломатической миссии Российской Федерации.

Аналогичную мемориальную практику реализуют и другие этнокультурные группы региона.

Структурно-функциональный анализ коммуникационных систем региона дает возможность зафиксировать превращение пространственной системы в систему символов, программ восприятия и публичных действий. Каждая «иконографическая» система, как результат «опыта пространства» порождает различные формы институализации, «участия» групп, презентацию групповых интересов.

Все этнические сообщества региона не только демонстрируют уникальную способность адаптироваться, «встраиваться» в социальную систему, становясь ее «звеном» и предопределяя статус своих членов, но транслировать сложившуюся модель социальных отношений, сохраняя за регионом статус маргинальной социальной среды с устойчивой политической периферийностью и анклавностью этнокультурного расселения.

Литература:

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесловие А. Филиппова – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. – М.: «Индрик», 1996. – 380 с.

Бессарабия. Графический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / под ред. П.А. Крушевца. – Москва: Изд. газеты «Бессарабия», 1903.

- Бредников О., Чекидзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд – СПб., 1998. – С. 227–259.
- Бреский О., Адвильониене Ж. Локальность. К нормативным основаниям социального места и порядка / О. Бреский, Ж. Адвильониене – Вильнюс: ЕГУ, 2011. – 336 с.
- Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами / Р. Брубейкер // Диаспоры, 2000. – № 3. – С. 6–2.
- Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007 – С. 87–96.
- В Румынии раздаются призывы воспользоваться ситуацией в Украине для возврата «своих» территорий / Мультимедийное информационное агентство OMEGA 25.01.2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://omg.md/ru/114390/>.
- Визит вице-премьер министра Турции 21.09.2013 // Народное собрание Гагаузии. Официальный сайт // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.halktoplusu.com/index.php/glavnaia/novosti/296-vizit-vitse-premer-ministra-turtsii>.
- Джерела історії Південної Бессарабії (з давніх часів до кінця XIX ст.) / Упорядники: О.М. Лебеденко, Л.Ф. Циганенко та інші; відп.упорядник Н.О.Гончарова. – Ізмаїл: РВВ ІДГУ, 2013. – 191 с.;
- Додон И. Инаугурационная речь Президента Республики Молдова Игоря ДОДОНА 23 декабря 2016 // Сайт И. Додона // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://dodon.md/ru/discursul-de-investire-al-domnului-igor-dodon-in-functia-de-presedinte-al-republicii-moldova/>
- Документи по национальному движению в Бессарабии 1812–1917 // Negru G. Tarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000, P. 119 – 193 – P. 123 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://dacoromania.net/article/документы-по-национальному-движению-в-бессарабии-1812-1917>.
- Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве / Г. Еллинек – СПб.: Голос, 1906. – 48 с.
- Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) / Д. Замятин // Полис, 1998. – № 6. – С. 35–46.
- Замятин Д.Н. Русские в центральной Азии во второй половине XIX в.: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ / Д. Замятин // Восток, 2002. – № 1. - С. 43–63.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Замятин – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- И.А. Каподистрия – А.Н. Бахметьеву 4. 06.1816 г. // История Молдавии: документы и материалы / Под ред. К.Р. Крыжановской и Е.М. Руссева. Кишинев, 1957. – Т. 2.
- Карастоянов С. Особенности на съвременното политикогеографско положение на балканските страни // Карастоянов С. Балканите / Политикогеографски анализи. София, 2002. – 144 с.
- Карячка – Мирное: очерки истории прошлого и традиций / Агафонова Т.А. и др. В серии: Липоване: история и культура русских-старообрядцев. – Вып. 4. – Одесса, 2007. – 195 с.
- Киссе А. Возрождение болгар Украины / А. Киссе. – Одесса: Optimum, 2006. – С. 93–94.
- Коч С.В. Динаміка етномовної ситуації на території Півдня Бессарабії у XVIII–XX ст. // Європейська Хартія регіональних мов або мов меншин: перспективи реалізації в Україні – Одеса: Друкарський дім, 2008. – С. 145–157.
- Коч С.В. Механизм социальной презентации диаспор: этнические лобби и группы давления (на примере Одесской области) // Постфактум: историко-антропологічні студії. Етнічне, соціальне, політичне: перехрестя просторів – Одеса, 2013. – № 3 – С. 31–46.
- Коч С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых») диаспор юго-западного региона Украины) // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры

мира: Сб. научн. трудов / ред. сост. М.А. Араджияни, И.В. Брунова-Калисецкая / Крымское отделение Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины. – К.: ЧП «Золото Ворота», 2011. – С. 61–71.

Коч С.В., Узун Ю.В. Диаспоры юга Украины в системе региональных геополитических отношений / С.В. Коч, Ю.В. Узун // Научковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія, Філософія, Політологія. Збірник наукових праць. Випуск 4. – Одеса, 2012. – С. 139–148.

Кубей и кубейци: бит и культура на болгарите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одесса област / Т.А. Агафонова, А.И. Ганчев, А.А. Пригарин, Т.В. Тхоржевская / Отг. ред. З.Т. Барболова. – Одеса: Маяк, 2002. – 88 с.

Куракова К. Мегаполис XXI века никогда не остановится в росте / К. Куракова // Проект Россия, 2003. – № 4. – С. 21–24.

Лозаннский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке / Э.Д. Лозаннский – М., 2004. – 272 с.

Люббе Г. Историческая идентичность / Пер. Н.С. Плотникова // Вопросы философии, 1994. – № 4. – С. 108–113.

Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах». 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XVI, 1830. – С. 313–316.

Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) / О.П. Маркова // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 52–78.

Местные законы Бессарабии: Полный систематический сборник местных бессарабских законов Арменопола, Доница, Соборной Грамоты Маврокордато и ручной книги о браках, с позднейшими узаконениями и разъяснениями / Сост.: С.М. Гроссман. – СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1904 г. – 447 с.

Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах / Н. Милерюс // П.С. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 37–63.

Михайлов В.Т. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности / В.Т. Михайлов // Культурная и гуманитарная география. – 2013. Т. 2. – № 2. – С. 140–152.

Мустафа А. Турецкие документы об истории Румынии, 1791–1821 / А. Мустафа – Бухарест, 1986. – 293 с.

Нариси з історії села Красносліка (Гільдендорф) на Одещині. 200-річчя села присвячується. – Одеса, вид-во КП ОМД, 2007. – 170 с.

Немцы Бессарабии. Официальный сайт общины // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.bessarabien.de/index.php>.

Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. – СПб., 1911. – 554 с.

Оболенская С. «Свои» и «чужие». Германия и немцы в глазах русских образованных людей в 19 веке. 2003 / Электронный журнал «Самиздат» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/22.shtml.

Оганян Л.Н. Декабрист А.О. Корнилович и его проекты развития Сибири и Бессарабии // Сибирь и декабристы, Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 67.

Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. Сборник статей – Одеса, 1998. – 263 с.; Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городне в Бессарабии. Сборник. – Одесса, 2003. – 748 с.

Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области / Т.А. Агафонова, А.И. Ганчев, Г.Н. Захарченко, Л.Д. Николова, А.А. Пригарин, Н.И. Серебрянникова, В.М. Шевченко // Одесса българистика. – 2003, № 1. – С. 6–70.

Паламарчук С.В. Территориальнi структури Дунай-Дністровського межиріччя (кінець XIV – середина XVII ст.) : дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Одеський національний ун-т ім. І.І. Мечникова. – О., 2005.

Плачков И. Бессарабское экономическое чудо // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://bessarabiainform.com/2012/07/ivan-plachkov-bessarabskoe-ekonomicheskoe-chudo/#ixzz2sq2jzduC>.

Положения о поселении и устройстве в Одессе и окрестностях переселенцев из Архипелага и других заграничных мест, представленные графом П.А.Зубовым и утвержденные императрицей Екатериной II от 19.04.1795 г. // РГАДА, ф. 16, д. 966. Ч. 1, л. 295–298 об. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://archive.odessa.gov.ua/vistavki/mzhnarnodna-vistavka-arhivnih-dokumentv-odessa-napriknc-xviii-na-pochatku-bh-storch/odessa-v-konce-xviii-nachale-xx-vekov-vystavka-on-lajn-unikalnyh-arhivnyh-dokumentov/dokumenty-rossijskogo-gosudarstvennogo-arhiva-drevnih-aktiv/#rgada_06.

Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова [монография] / Отв. ред. О.Б. Демин. – Одесса – Измаил – М.: «Смил» – «Археодоксия». 2010. – 528 с.

Референдум в Гагаузии: итоги 04.02.2014 г // Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.cis-emo.net/ru/news/referendum-v-gagauzii-itogi>.

Сапожников І. Запорозці в Очаківській області та Україні Ханський під час «кримської протекції» (1711–1734 роки). // Південна Україна XVIII–XIX ст. – Вип. 7. – Запоріжжя. – Тандем-У, 2003 – С. 240–244.

Соловьева А. Модели концептуализации этнических субкультур в глобально / локальном контексте диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01 / Соловьева Анна Николаевна – Москва, 2009. – 319 с.

Сосса Р.І. Картографування територій України / Р.Сосса – К.: Либідь, 2007 – 336 с.

Таки В. Историческая память и конструирование региона после присоединения к империи: особая форма правления в Бессарабии в 1818–1828 гг. / В.Таки // Abimperio. 2004. – № 3. – С. 145–174.

Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX вков. (Родз. Бессарабское право). Монография / А. Тесля – Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. – 167 с.

Тюркский путь общественного развития Доклад академика Е. Султанмурата – президента Всемирной Ассамблеи Тюркских Народов на 11-ом Курултае тюркских государств и народов 17–19 ноября 2007 г. (г. Баку, Азербайджан) // Всемирная ассамблея тюркских народов // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://dta.turkology.tk/2007/11/19/turkский-путь-общественного-развити/>

Узун Ю. Румынский унионизм как фактор «внутренней» и «внешней» геополитики: к проблеме государственного управления региональным развитием / Ю.Узун // Постфактум: историко-антропологічні студії, 2013 – № 3. – С. 47–56.

Указ Президента ПМР № 558 «Об утверждении Государственной стратегии экономической безопасности Приднестровской Молдавской Республики» от 26.11.2013 г. // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://president.gospmr.ru/ru/news/ukaz-presidenta-pmrgo558-ob-utverzhdenii-gosudarstvennoy-strategii-ekonomicheskoy-bezopasnosti>.

Устав о колониях иностранцев в империи // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. XII. – Ч. II.

Устав образования Бессарабской Области от 29.04 1818 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 35. – 1818. СПб., 1830. – С. 222–227.

Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Сборник статей – Кишинев; Одесса, 2008 – 164 с. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://common.regnum.ru/documents/moldova-foundation.pdf>.

Ханська Україна: Пам'ятки та пам'ятні місця доби Кримського ханату на теренах Південної України. Тексти та фотографії Олександра Гайворонського – Херсон, 2016.

Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – С. 7–250.

Челеби Э. Книга путешествия: (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – Вып. 1: Земли Молдавии и Украины / Э. Челеби – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 338 с.

Чичагов П. В. – Александру I 6-го августа 1812-го года, Фошканы. // Сборник Русского исторического общества. 1871. – Т. 6. – С. 28–29.

Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа / А. В. Шабашов – Одесса, 2002. – 740 с.

Швитек Г. За железными воротами: излишек памяти и забывание в современном городе / Г. Швитек // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 63–83.

Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію; другою розвідкою про перекопських татар. Пер. с франц. Ю. Назаренко вид. 1663 р. – К.: Томіріс, 1993. – 224 с.

Эйзенштадт Ш. Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 176–180.

Crosby A. The Local Historian / Crosby A. // 2002. – Vol. 32. – No. 2. May // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_cory\(2\).html](http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_cory(2).html).

Gottmann J. The Political Partitioning of Our World: an Attempt at Analysis // World Politics, 1952. – № 4. – P. 512–519.

Jorga N. Studii istorice asupra Chiliei și Cetatii Albe. – București, 1899. – 223 p.

Lefebvre's Henri. The Production of Space. And do you know what «the world» is to me. Donald Nicholson-Smith Blackwell, Oxford, 1991. – 454 p.

Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam, 2008. – 420 s.

The British Association for Local History // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.balh.co.uk.

Adevarul 12 января 2014 г.: Сайт еженедельника // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://adevarul.ro/news/>.